

Мамлеев Юрий
(интервью)

27.03.06

Газета-СН

24

СОБЫТИЯ / ФАКТЫ / МНЕНИЯ

КУЛЬТУРА

ПОНЕДЕЛЬНИК 27 МАРТА 2006

Писатель Юрий Мамлеев — «Газете»

«Любая агония дает некоторый шанс»

Новой книги Юрия Мамлеева ждали уже давно, и ее выход — одно из главных событий сезона. С культовым автором, создавшим школу метафизического реализма, встретился корреспондент «Газеты» Кирилл Решетников.

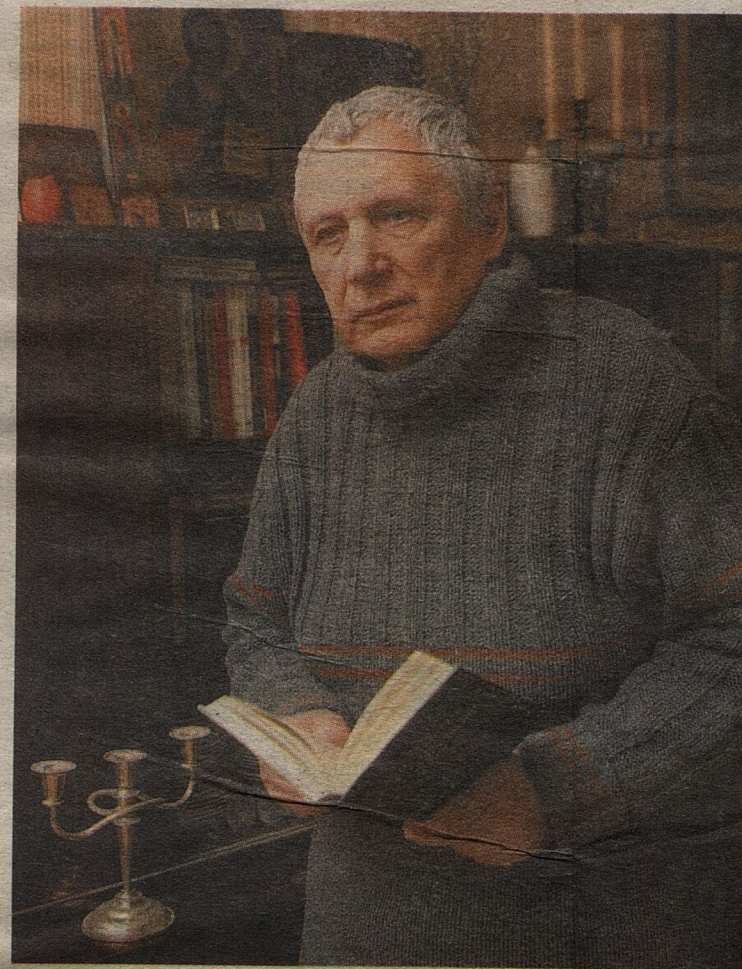
В словах героя вашего нового романа, художника Филиппа Пашкова, звучит вполне внятная позитивная, оптимистическая нота, относящаяся к России. Это отражает ваше собственное восприятие?

Нет, здесь дело не в моем восприятии. Я отразил то настроение, которое, как я вижу, есть сейчас у некоторых людей. Оптимистический взгляд, который выразил этот художник, действительно имеет место быть, он основан на том представлении, что есть силы, которые выведут Россию из страшных современных обстоятельств. Но в романе ведь одновременно показана некая истерия по поводу судьбы страны. Герои не говорят, что будет плохо, но чрезвычайно остро переживают происходящее и впадают в состояние какого-то сюрреалистического плача.

Вся совокупность написанного вами представляет собой некоторую систему — скажем, для понимания «Другого» принципиально важно знакомство с предшествующими ро-

манами. Но, возможно, одна вещь может дать хотя бы какое-то представление о творчестве в целом? Ведь для кого-то знакомство с «Другим» станет первой встречей с вами...

Я думаю, что одно от другого оторвать трудно. Прочтя что-то одно, можно получить представление, скажем, о языке... Но дело в том, что мои романы очень разные — не по стилю, а по направлению, по тенденции. И по одному роману судить об остальном трудно. Даже если говорить о таких романах, как «Мир и хохот» и «Блуждающее время», близких по времени. Оба они чисто философские, хотя и с интригой, но они совершенно различны. В «Блуждающем времени» поиск направлен в какие-то непознаваемые бездны и при этом доходит до предела человеческих возможностей. А в «Мире и хохоте» направленность поиска как бы горизонтальная, там речь идет о поиске смысла творения, смысла пребывания здесь. Что же касается «Другого», то здесь на первый план выдвинуты проблемы чисто человеческие, даже социальные.

Фотограф: Максим Конев / Газета

В традиционалистской философии, важной для вас, проводится разделение между сакральной и несакральной, профанной литературой. Применимо ли это в полной мере к современности или нужны какие-то оговорки?

Я хотел бы сразу добавить к слову «сакральная» слово «метафизическая», потому что именно художественная литература с мощным метафизическим элементом и может быть сакральной. Если брать традиционное общество, то, конечно, вся великая литература — скажем, античная — была сакральной. Вспомним Вергилия, Гомера, персид-

скую поэзию или «Махабхарату», где описывались реалии, может быть, совершенно закрытые для современного человека. Начиная с того периода, когда традиционное общество стало уступать место профанному, возникает вопрос о названном вами разделении. Но здесь обнаруживаются самые разные трудности. В новом обществе сакральный аспект проявляется не так, как это было во времена от Вергилия до Данте, не подобно спокойному течению реки, а как напряженные искания, прорывы отдельных талантов, гениев, которые сумели преодолеть профанизм. У нас в поэзии XX века это очевидно на примере

Блока — в предреволюционной России он создал поэзию, достигающую по своему внутреннему смыслу уровня Данте. В традиционном обществе литература опиралась на весьма распространенные религиозные, сакральные воззрения, которые были у древних как бы под рукой и которые они могли углублять, как, например, было с учением суфиев в персидской поэзии. А сейчас, когда писатель окружен, так сказать, совершенно иным морем, он может прикоснуться к метафизическому уровню только за счет собственной интуиции. Конечно, он может опираться на традиционные знания, черпая их из книг или обретая благодаря встречам с какими-то людьми, но все равно это несравнимо с атмосферой традиционного общества. Это — определенный минус. Но, с другой стороны, здесь есть и плюс. Он заключается в том, что сейчас, в отличие от традиционных условий, нет никаких сдерживающих моментов. В традиции есть оборотная сторона — некая тенденция к ограничению, к золотому сну: даны определенные знания, которым нет предела, и они настолько глубоки, что дальше идти не стоит. А в обществе, где царит атмосфера духовной агонии, человек оказывается один на один со вселенной, он ничем не связан. И тогда может наступить такой момент, когда особенно яростно работает мистическая интуиция, не сдерживаемая внутренней духовной цензурой. Любая агония дает некоторый шанс. Разделение, о котором мы говорим, реально существует, хотя литературоведам его трудно признать — если бы они его признали, то одновременно стали бы философами. Что же касается несакральной, профанной литературы, то это определение несколько обидно. Это просто другая литература, которая изображает общество и не отвечает за него.

